

Пролог

— Миличка~

Снаружи послышался скрипучий голос, казалось не отличимый от своего обычного тембра, хотя человек с по-настоящему музыкальным слухом смог бы найти довольно чёткие отличия по сравнению с «исходным» вариантом. Был ли такой у Милены Гофф или нет — вопрос трудный. Однако, каким бы ни был правильный ответ, сейчас, в своём обычном расположении «духа» — депрессивной подавленности, ставшей частью её существования в последние месяцы жизни, — найти какие-либо тонкие отличия в голосе старой бабки девушка не смогла, да и, вероятно, не хотела.

Как обычно, услышав своё имя, по спине Милены Гофф пробежал бесконтрольный холодок, хотя стоило отдать должное, по сравнению с тем, что было раньше, к сегодняшнему дню её «порог чувствительности» стал на порядок выше.

Миlena Гофф быстро доделала фрагмент работы, после чего встала и вышла из своей маленькой комнатки, которую ей выделили в этом отдалённом от города месте, напоминавшем деревенскую школу с прилегающими «избушками».

— Миличка~ — повторила старая бабка, когда младшая появилась на горизонте. — Чего так долго? Я уж подумала, что ты и не выйдешь вовсе.

— Простите. Делала задание по практическому применению магии, которое вы мне оставили перед уходом, — практически закончила! — отчиталась Миlena Гофф и уточнила: — Всё остальное, что вы сказали сделать, я уже закончила.

— Молодец-молодец. Не страшно. Потом закончишь, — довольно необычно сказала старая бабка, вероятно, достаточно отрешённо, чтобы Миlena Гофф обратила на это внимание; но ничего не сказала в ответ: была достаточно смыслёной, чтобы промолчать, отчасти и потому, что понимала: «Снова что-то произошло», — но что именно — сказать не могла.

«Опять, — мысленно вздохнула Миlena Гофф. — Опять и опять! Сколько можно?!»

Девушка задавалась безответным вопросом, который был криком её «души», во многом бесконтрольным и, быть может, даже нежеланным. Нежеланным как минимум потому, что собственные мысли напрягали её саму, и она бы предпочла заменить их чем-то другим...

Ещё и слабые, но уже заметные отличия в поведении старой бабки, не предвещали по мнению Милены Гофф ничего хорошего.

Хотя на мгновение Милина Гофф задумалась: «Может, наоборот, случилось что-то радостное, и сейчас старая бабка в хорошем расположении духа?»

Однако она быстро отбросила эти идеи: они казались ей слишком идеальными, чтобы быть правдой. Да и кое-какой логический анализ тоже отвергал их: атмосфера, которую она сумела прочувствовать к этому моменту, пусть сама и не знала вообще никаких подробностей, ощущалась скорее мрачной, чем какой-либо другой. Как минимум связывая всё с последними известными ей новостями, где её бывший учитель являлся организатором масштабных беспорядков, а её одноклассник — его «шестёркой», волей-неволей приходилось отбрасывать все хорошие варианты из общего перечня идей, посетивших её голову.

— Мм... — Милина Гофф хотела было что-то сказать, но мгновенно передумала: она не любила первой начинать или продолжать разговор со старой бабкой, которая, к слову, тоже молчала и только и сделала, что неспешно направилась в сторону деревянной школы.

Видя такие действия, Милина Гофф просто молча поплелась за ней. По меньшей мере ей было понятно, что старая бабка позвала её с собой для разговора внутри самой школы, а не на улице, в противном случае она бы могла просто войти к ней в комнату и всё обсудить там. В целом всё встало на свои места, когда, к удивлению девочки, внутри она увидела множество других людей, что было не характерно для этого места: все остальные обитатели, с которыми она время от времени пересекалась, уже были здесь. Более того, были и такие, кого она видела впервые.

«Ещё ни разу не видела их. Кто они? — подумала Милина Гофф. — Ещё и так много, аж тесно».

Пусть и не самая маленькая, но классная комната, казалось, была полностью забита, как раздевалка во время физкультуры.

Вся эта обстановка, а главное — атмосфера, точно не предвещали ничего хорошего! Пессимист внутри девушки стал агрессивнее.

— Как душно, — только и сказала старая бабка, которая и сама была не в восторге от такого количества людей.

Её слова фактически стали сигналом для всех присутствующих, потому что даже те тихие перешёптывания между некоторыми людьми в попытках обсудить события минувших дней, были тут же оборваны, а их взоры — устремлены в сторону источника — старой бабки.

Бабка прошла внутрь, параллельно указав Милине Гофф на свободное место, куда та быстро «упала».

Будто в продолжение своих первых слов, старая бабка сказала:

— Хотя... Я сама виновата, раз решила позвать вас всех сюда. Но стоит уточнить, в нормальных условиях я бы никогда так не поступила и тем более не пришла бы в место с таким сборищем «знакомых» лиц. Разве что... будь это похороны с групповым захоронением, хотя... Всё равно не уверена, что пришла бы, хех, — она сделала задумчивое лицо и чуть погодя продолжила: — Но да ладно — сейчас не об этом.

Старая бабка встала перед всеми присутствующими и снова ненадолго притихла, погрузившись в себя.

Видя всё происходящее, Милина Гофф испытала странное чувство удивления: несмотря на едкие слова, старая бабка представляла сегодня во всё более и более новом свете.

— Сколько живу, каждый раз время от времени происходят какие-то мелкие проблемы, — внимательно изучив всех присутствующих своим взглядом, старая бабка наконец-то подала звук. — Прошлый год, да и предшествующие ему выдались сами по себе довольно необычными, но и новый им ничуть не уступает и даже превосходит в тех или иных вопросах. Красивое зрелище! Люблю красивые вещи! Но об искусстве в другой раз. Как обычно, всё происходит из-за: «грязи», неумелых руководителей, целеустремлённых и алчных политиков или волшебников, — совершающих множество как простительных, так и нет ошибок! Однако глобально — всё это мне до одного места. Мне лень. Я стара. Да и на роль «мирового судьи» не претендую, поэтому выносить кому-то вердикт или что-то менять я не собираюсь. Но нет. Не нужно расстраиваться. Даже если бы я или кто-то из вас им стали — всё равно ничего не изменилось бы. Нельзя поменять то, что является основой всей конструкции. Основа неизменна — «жажда» людей неизменна. Как и корень этой жажды — первородные стремления и сопутствующая им тупость. Итак... к чему это я? Несколько дней назад один из таких яро «жаждущих» наконец-то достиг своего «катарсиса», своего «вознесения» и — наконец-то утолил все свои первородные стремления. Вы все его прекрасно знаете, — старая бабка прошлась по людям, ненадолго зафиксировав взгляд на нескольких девушках, лица которых к этому моменту сильно скривились. — Я говорю о малыше Ганце — помните такого? — то-то же.

— Госпожа, — хотел было начать средних лет мужчина, стоявший рядом с одной из девочек — ученицей, которая была здесь ещё до прихода Милины Гофф, но:

— Малыш Барух, не стоит~ — ласково перебила старая бабка мужчину; тон и отношение были настолько искренними, что Милина Гофф в очередной раз за день почувствовала внутренний диссонанс, а также лёгкое волнение, но уже не от них.

Мысленно разобравшись в ситуации, до Милины Гофф начало доходить, что большая часть присутствующих, если не все, — определённо необычные люди (себя она, конечно же, в этот список не включила).

— Майра, Марак, — старая бабка посмотрела на нескольких людей и продолжила перечислять: — А также ты, Чимбай, и ты, Салливан, и даже ты, Барух... — она вновь вернула взгляд на первого заговорившего. — Я знаю, что именно каждый из Вас хочет мне сказать, — нежно пролепетала она. — Но, как я и сказала, не стоит... — помедлив секунду-другую, старая бабка

продолжила, а её голос стал жёстче: — Не стоит лезть в мои дела. Если мне нужна будет Ваша помощь, я сама попрошу. Сейчас я позвала Вас только по одной причине — извиниться. Я обещала помочь и присмотреть за вашими детьми, и отчасти я это сделала, однако с сегодняшнего дня и какое-то время после мне будет не до них. Всё это вы и так знаете, поэтому просто не лезьте, долго я Вас не задержу.

Дав понять части присутствующих свою позицию, старая бабка продолжила:

— Так вот, я остановилась на том, что я рада за малыша Ганца, который достиг своего «катарсиса», пусть и не без помощи других людей. Точнее, благодаря совместной работе людей О'Лири и Бортэ, хотя и... с некоторыми нюансами. Но стоит заметить, что не все смогли пережить взваленную на их плечи ношу. Как минимум госпожа клана Бортэ точно не смогла этого сделать, но это так, мелочи. Ведь куда более важным вопросом сейчас является то, смогут ли остальные прямые или нет участники пережить последствия всего этого? А последствия могут оказаться не самыми радужными как минимум потому, что во всём этом деле целая куча подводных камней, но... Это уже не вашего ума дело. Вам лишь нужно знать две вещи. Первое, это то, что малыш Ганц мёртв и мусолить эту тему дальше — бессмысленно. Второе, это то, что, дабы уточнить некоторые нюансы, я какое-то время буду сильно занята и попрошу меня не отвлекать. Хоть с необходимостью, хоть без — не отвлекать. Ясно? — риторически спросила старая бабка и, окинув всех присутствующих предостерегающим взглядом, издала подобие смешка, а затем продолжила:

— В принципе на этом всё, так что больше я вас не задержу, а вы, — она обратилась практически ко всем своим ученикам, — усердно занимайтесь и практикуйтесь. Если ничего не изменится, то ещё свидимся.

— Спасибо, — ответили те, то же самое сделали и пришедшие за ними родственники; прежде чем повисла пауза, старая бабка кивнула им и жестом указала на дверь.

Забрав свои вещи, большая часть присутствующих вскоре ушла, покинув территорию деревенской школы.

Комната мгновенно проредела. Осталось около десяти человек, среди которых сама старая бабка и Милина Гофф. Последняя пусть и набросала для себя общие черты происходящего, но теперь не совсем понимала, что ждёт её саму. Хотя внутри неё загорелось эфемерное пламя свободы: если всё, как и сказала старая бабка, то и её саму должны будут куда-то «сбагрить». (Не секрет, Милина Гофф была готова «сбагриться» отсюда в любой момент, хоть прямо сейчас).

— Значит, старая Госпожа, вы и сами не верите в виновность учителя Ганца, — вскоре, после недолгого затишья, послышался голос одной из оставшихся женщин (кроме них ещё был мальчик, внешне на несколько лет младше Милины Гофф, — второй оставшийся ученик старой бабки).

— Кида, да? — «уточнила» старая бабка и продолжила: — Во что я верю, а во что нет, не

вашего ума дело, — хотя, казалось, её ответ был адресован сразу всем оставшимся женщинам, в которых, если присмотреться, можно было разглядеть «ранних» учениц Ганца Йохансона, часть из которых была действующими сотрудниками Международной Организации Защиты Граждан, а другая — кто от куда.

— Единственная причина, — продолжила старая бабка, — почему вы сегодня вообще здесь оказались, это уяснить для себя несколько важных моментов. И как вы можете судить, учитывая, что для разъяснения подобных мелочей мне пришлось дойти до того, чтобы позвать вас сюда лично, я о вас невысокого мнения.

— Если есть что сказать — говорите, напыщенность свою оставите для других, — заговорила другая девушка, проигнорировав упрекающий взгляд своих коллег, высмеивающий — старой бабки и внутренне-ликующий — Милены Гофф.

— Не волнуйся, — тут же парировала старая бабка, — мне не нужно разрешение подзаборной дворняги, чтобы что-то сказать или не сказать. Всё это не такая уж и проблема, а вы, — она окинула всех остальных женщин, зафиксировав взгляд на Киде как негласном представителе их группы, — смотрю, не успел малыш Ганц окочуриться, хотя, — она «задумалась», — правильнее было бы сказать «поджариться до красной корочки», как вкусили вкус свободы и вседозволенности? С такой скоростью вам разве что призовые места в дворняжьих бегах занимать, и то, если от своей тупости вы не побежите в обратном от финиша направлении.

Девушки скривились, но промолчали. Милена Гофф тоже дёрнула уголками губ, а от сравнения ей даже показалось, что чувствует запах горелого мяса.

— Простите, — только и сказала Кида, хотя старая бабка не сильно оценила её потуги:

— Извинения плешивых собак меня не волнуют, так что не бери в голову. Давайте лучше вернёмся к нашим козлам. Во-первых, вам стоит уяснить одну простую истину — если не хотите проблем: сидите и помалкивайте, не мешая ни мне, ни кому-то ещё. Можете, как вы это умеете, засесть в своей конуре — или где вы там ведёте свои дела? — и заниматься своей высокопарной работой, перебирая бумаги и перекладывая их с места на место. Одним словом, не мельтешите, иначе у вас и конуры-то не останется, — рассмеялась старая бабка.

— Спасибо за наставления и предостережения, — сказала Кида, впившись до этого цепким хватом в бёдра нескольких особо «болтливых» девушек, опасаясь, что они могут снова что-то выдать.

— Пожалуйста, — механично ответила старая бабка и продолжила: — Уверена, мои слова дойдут до вас с первого раза, в противном случае даже страшно представить, что может случиться, и нет, это не «угрозы», так что сделайте свои физиономии попроще, а то и тот единственный, — она указала в сторону растения в комнате, — завянет. Мне нет смысла угрожать вам или тем более угрожать от имени других людей — я лишь констатирую факт: если вы забудете своё место, ничего хорошего с вами не случится.

— Будем иметь в виду.

— Имейте, а теперь хочу представить вам вашу «младшую», — она указала в сторону Милены Гофф. — Это Милина Гофф, последняя ученица «любвеобильного».

Милина Гофф спокойно приняла устремившиеся на неё взгляды и молча кивнула в ответ на следовавшие за ними приветствия.

— Мы слышали о ней, — ответила Кида и хотела было спросить: — Вы хотите, чтобы...

Но старая бабка перебила:

— Не нужно додумывать за меня чего я хочу, а чего нет.

— Извините, — тут же сказала Кида.

— Как я и сказала, свои извинения оставь себе. Итак, пусть Милиночка, — Милину Гофф передёрнуло, — формально и «младшая» для вас, однако малыш Ганц не успел с ней толком ничего сделать и тем более осквернить её нежный нрав своим грязным характером. Да и~ — чуть ли не пропела старая бабка, после чего с лукавством задумалась и чуть погодя продолжила: — Учитывая всё произошедшее после... Видимо, Милиночка оказалась единственной нормальной женщиной на его корабле, ведь не успела она появиться, как он затонул, хе-хе-хе... И, глядя сейчас на ваше стадо горных козлов, думаю, мои слова не лишены смысла.

Старая бабка издала ещё один самодовольный смех, после чего продолжила:

— Если вкратце, то я потратила куда больше сил и времени на Милиночку, чем малыш Ганц, а значит — её настоящим наставником являюсь я. Теперь она моя, а моё — значит моё. Да и, — она посмотрела на единственного присутствующего мальчика, — кто-то должен здесь за всем следить и помогать малышу Батаару.

Мальчик по имени Батаар посмотрел сначала на группу женщин, а потом отдельно на Милину Гофф. Их взгляды встретились, и он ей кивнул. Девушка кивнула в ответ, пусть она и пересекалась с ним ранее на тренировках или прогуливаясь по территории школы, но дальше: «Добрый день», — или: «Привет», — их взаимоотношения не заходили, как, собственно, и со всеми остальными обитателями этого места: с одной стороны с ней никто не спешил сближаться, с другой — это было взаимно.

— Тогда, — продолжила старая бабка в ответ на вопрошающие взгляды, — хотите значь, почему я вас ещё не выгнала и рассказываю ненужные вещи? Всё просто. Если со мной что-то случится, то они перейдут под вашу ответственность, а до тех пор, пока я жива, — я в состоянии сама о них позаботиться, как и со всем разобраться. А теперь! — старая бабка

повысила голос и, не дожидаясь ответа или чего-то подобного, резко закончила свою речь: — Выход вы знаете где.

<http://tl.rulate.ru/book/25164/3523628>